

УДК 32

Гендерная политика в целях развития человеческого капитала

Кельчина Наталья Витальевна

Проректор,
преподаватель кафедры управления и гражданского права,
Институт деловой карьеры,
109044, Российская Федерация, Москва, шоссе Варшавское, 23;
e-mail: ideka@ideka.ru

Аннотация

Актуализация научного интереса к гендерной проблематике в современной российской экономической и социологической литературе обусловлена констатацией параллельного формирования и развития теории человеческого капитала с концепцией (прежде всего, политико-правовой) гендерного равенства. Этот процесс обосновано называют как исторически обусловленным, так и научно обоснованным, базирующемся на стирании гендерных стереотипов. В условиях информационной экономики приоритет отдается образованию и квалификации, рост уровня которых делает более ценным время, в том числе женщин, способствует снижению ценности детей для родителей и повышению их цены. Таким образом, положительный «эффект дохода» минимизируется отрицательным «эффектом цены», ростом издержек рождения и воспитания детей. В статье показано, что современные гендерные различия в показателях состояния здоровья и продолжительности жизни в пользу женщин оцениваются как временные. Отсюда несложно сделать вывод о том, что альтернативные издержки производства человеческого капитала, обусловленные необходимостью поддержания уровня дохода и здоровье, будут для российских женщин расти.

Для цитирования в научных исследованиях

Кельчина Н.В. Гендерная политика в целях развития человеческого капитала // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Том 8. № 1А. С. 143-150.

Ключевые слова

Гендерная политика, информационная экономика, человеческий капитал, политика, женщины.

Введение

В индустриальную эпоху в экономической теории и социологии изучались в основном мужчины, как основные, а чаще всего и единственные акторы производственных и социально-политических процессов, субъекты (электорального, административного и пр.) права. При этом положение женщин в экономике не учитывалось, а домашний и подсобный труд не рассматривался в связи с процессом воспроизводства человеческого капитала [Гриненко, Задорожная, Найденко, 2017].

Основная часть

Сегодня в эпоху формально-юридического равенства, повсеместного запрета дискриминации по половому признаку, когда женщины руководят наиболее развитыми европейскими государствами и стоят во главе корпораций, тема, как будто утратила актуальность. Н.А. Шведова выстраивая логическую цепочку: «человеческий капитал – права человека – гендерное равенство – устойчивое развитие – прогресс – качество жизни», акцентирует внимание на превенции гендерного неравенства [Шведова, 2015]. Автор исходит из того, что «высокая степень гендерного равенства» это «раскрепощение женского человеческого потенциала», что активно воздействует на производительность труда, способствует экономической эффективности и достижению целей развития. Приведенный подход не вполне точен. Вряд ли можно градировать гендерное равенство на «высокую» и «низкую» «степени», так как равенство либо есть и оно, в данном случае полное, иначе это не равенство, либо его нет. Кроме того, для «раскрепощения женского человеческого потенциала» не обязательно участие в экономике (политике, общественной жизни и т.п.). Указанный Н.А. Шведовой потенциал «женский, человеческий» может развиваться и в семье, которая также может стать осознанным свободным выбором, который не свидетельствует о неравенстве.

Как это ни парадоксально, но добившиеся карьерного успеха женщины, действуя в соответствии с классической теории поведения меньшинства, женщины, воспринимают мужскую доминирующую культуру и отмежевываются от «неуспешных» женщин, переоценивая свой успех, отрицают своим примером наличие дискриминации, объясняя ее явление ленью или неспособностью каждой добиться такого же результата.

Информационная экономика предполагает гендерное равенство как цель развития, обеспечивающего качество жизни. Оно же является инструментом развития, так как обеспечивает рациональное распределение трудовых и интеллектуальных ресурсов. В данном случае развитие человеческого капитала базируется на соблюдении прав и свобод человека и гражданина, которые, в свою очередь, гарантируют гендерное равенство. В то же время, его наличие автоматически не гарантирует устойчивого развития и роста качества жизни, а лишь создает условия для этого.

Вопросы гендерного равенства/неравенства ставятся в основном в связи с положением женщин, которые исторически находились в пониженном с точки зрения прав и экономических возможностей положении. В настоящее время, 136 государств в полном соответствии с общепризнанными международными актами по правам человека, в своих конституциях гарантируют гендерное равенство. Это безусловный прогресс, так как в начале 1910-х годов лишь два государства предоставляли женщинам избирательное право. Необходимо

подчеркнуть революционный характер первых декретов советской власти, обеспечивших, по большинству позиций впервые в мире, полное гендерное равенство¹, которое затем было гарантировано Конституциями 1936 и 1977 г., а сегодня – действующей Конституцией России.

В современных условиях Комиссия ООН по положению женщин в Политической декларации (март 2015 г.) ставит цель в развитие положений Пекинской декларации и Пекинской платформы действий полностью ликвидировать остатки гендерного неравенства до 2030 г.²

Помимо политических и правовых инструментов ООН рекомендует существенно наращивать инвестиции в связанные с указанной целью проекты.

Современная социология исходит из того, что при гендерном неравенстве политические и экономические институты становятся социально недостаточными и ориентированными на интересы лишь влиятельных сил. Политика и управленческие решения, разрабатываемые и принимаемые исключительно мужчинами, отражают не весь опыт и потенциал и могут быть неэффективны [там же].

Вопросы гендерной политики в целях развития человеческого капитала относительно поздно попали в орбиту научного внимания. Лишь в XIX в. появились концепции «живых производительных сил», где для расчетов затрат на производство, поддержание и отдачу от работника, оценивался человеческий капитал, рассматривавшийся как совокупность мужского и женского человеческого капитала. Данный подход обеспечил динамику исследованиям человеческого капитала. Тогда же Э. Энгель ввел в научный оборот метод определения денежной ценности человека, который давал возможность рассчитать стоимость воспитания детей, как меры их денежной стоимости для общества [Водовозов, 1906].

Позже Л. Дублин и А. Лотка предложили оценивать накопленный человеческий капитал в виде капитализации заработка как пожизненной ренты [Dublin, 1930].

В XX в. активные гендерные исследования шли в большинстве научных предметных областях, в которых они были возможны. В основном ставились задачи выявления причин исторического гендерного неравенства и путей его устранения.

В центре внимания находились гендерные стереотипы, сформировавшиеся в конкретной экономической среде, представления о поведении, распределении способностей и обязанностей.

Оценка генерации и использования человеческого капитала делалась исследователями на базе длинных временных рядов по ключевым видам экономической деятельности с применением модели производственной функции. Такой подход не дал возможность принять во внимание гендерные факторы, понять, как они влияют на генерацию и эффективное использование человеческого потенциала [Suvorov et al., 2016].

Развитие понимания экономической категории «человеческий капитал» в парадигме школ теории человеческого капитала позволяет дифференцировать концепции с макроэкономической и микроэкономической позиций, а также воспроизводимости его элементов. Схожесть и разность этапов воспроизводства человеческого капитала в зависимости от инвестиционной политики заинтересованных экономических субъектов проявляется также и различной отдаче от инвестиций. Данный подход выявляет степень влияния гендерной составляющей на рост экономики по динамике индикаторов социально-экономического развития.

¹Декреты ВЦИК и СНК о разводе (принят первым) и браке, социальном страховании (декабрь 1917 г.).

² Message of the Executive Director... , 2015

В первой половине XX в. политико-правовая доктрина, поддерживаемая социологами, исходила из необходимости формализации гендерного равенства, его международно-правового и конституционного закрепления. В 1979 г. под эгидой ООН было заключено Соглашение по устранению всех форм дискриминации женщин (Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination Against Women – CEDAW). Документ определил, что равенство определяется по результату, а не по его декларации в возможностях.

Таким образом, была признана недостаточность одних лишь антидискриминационных законов, требовался рабочий механизм их применения в экономике, гарантирующий реальное гендерное равенство. Стратегия гендерного равенства ООН реализованная в 2014-2017 годах, включала в себя индикаторы достижения равенства по семи критериям, отражающим устранение гендерного неравенства и предоставление возможностей для женщин во всех доступных сферах деятельности.

В рамках неоклассической школы гендерная проблематика рассматривается в контексте человеческого капитала, который возникает с рождения ребенка. Далее семья становится платформой его формирования и накопления, обеспечивая три стадии: создания, генерации и реализации [Becker, 1957]. Каждая из стадий имеет свои закономерности, в познании которых проявляются гендерные факторы, в части соотношения затрат/инвестиций и выгоды.

К факторам затрат относят потерю независимости, издержки роста домашней работы, издержки воспитания, как материальные, так и психологические, альтернативные издержки времени родителей и пр.

Семья получает выгоду, связанную с накоплением «рыночного» либо «домашнего» человеческого капитала, равно как производства так называемого семейного капитала, включающего признанные блага: детей, репутацию, авторитет, здоровье, общественный статус, взаимопонимание и пр., которые принадлежат данной семье.

С этой позиции – принятие решения о рождении ребенка может считаться инвестиционным решением, принимаемым в семье в результате рационального выбора и соотнесения ожидаемых благ и издержек. На такое решение влияют как отрицательная зависимость рождения детей и материальных издержек, так и позитивная корреляция рождения детей и дохода родителей.

В развитых государствах с высоким уровнем жизни рост доходов, как правило, сопровождается снижением количества детей, что исследователи считают следствием именно достижения гендерного равенства, высокой стоимостью времени родителей, а в XXI веке – особенно работающей матери [Комаровский, 2012].

И. Черная обращает внимание на дополнения, связанные с гендерными факторами к тезису неоклассиков об обратной зависимости спроса на детей от издержек и прямой зависимости от уровня дохода родителей [Черная, 2012]. Так, число детей в семье при всех прочих равных условиях положительно связано с доходом и отрицательно – с уровнем образования женщины из-за роста относительной ценности их времени и большей интенсивности труда по уходу за детьми. Это объясняется растущей важностью времени жены по сравнению с временем мужа в производстве человеческого капитала [Blau, Devago, 2007]. Таким образом, уровень образования матери, а также ее занятость становятся решающим гендерным фактором, влияющим на воспроизводство человеческого капитала в информационной экономике. Кроме того, авторы указывают на зависимость качества и количества, связанную с ограниченностью семейных ресурсов, которая снижает инвестиции в каждого ребенка. Как следствие, снижение спроса на число детей повышает спрос на их качество, востребована отдача от образования. По оценке Г. Беккера отдача от вложений в человека в среднем больше, чем от вложений в

физический капитал, но способна падать с ростом общего объема инвестиций.

С. Полачек, оценивая проблему развития человеческого капитала с позиций гендера, обращает внимание на то, что стимул вложения капитала в образование прямо связан с предполагаемой продолжительностью работы по этому образованию. Таким образом, рост времени участия женщин в работе относительно мужчин подразумевает, что инвестиции в женский человеческий капитал растут, при сокращении гендерного разрыва в средней совокупной (отраслевой, страновой) заработной плате.

Инвестиции в человеческий капитал требует предварительного сопоставления затрат и выгод от достижения его уровня [Гриненко, Богомолова, Задорожная, 2014]. Здесь принято выделять два вида затрат: прямые – направляемые на образования и косвенные – неполученный доход в период обучения. Выгодой считается доход, получаемый в течение жизни. Также к выгодам следует отнести самостоятельность и независимость (в разной степени) в жизни, социальный статус, снижение безработицы, экономический рост.

Планируя гендерную политику в целях развития человеческого капитала следует помнить о гендерных особенностях, которые проявляются в том, что период получения дохода (отдачи от инвестиций в человеческий капитал), для мужчин и женщин может отличаться. Здесь существует объективная разница в пенсионном возрасте, а также дискретность профессиональной карьеры, которая у женщин может прерываться на время рождения и воспитания детей. Кроме того, нельзя отрицать и все еще существующую профессиональную гендерную сегрегацию, влекущую в целом более низкий уровень оплаты труда женщин, у которых больше доля неоплачиваемого (домашнего) труда.

При равнозначном уровне человеческого капитала выбытие из рабочих периодов для воспроизводства трудовых ресурсов (рождения и воспитания детей) снижает как общую продолжительность работы, так и совокупную потенциальную отдачу от инвестиций в человеческий капитал. Все это снижает общую ценность человеческого капитала.

Работники, предполагающие долго работать, рассчитывают на высокие доходы. Исходя из того, что женщины в среднем работают меньше мужчин (по времени), то уровень инвестиций в женский человеческий капитал ниже, что понижает стоимость оплаты труда, увеличивая гендерный разрыв в доходах.

Важным фактором гендерных различий, обуславливающим более низкий уровень «женского» человеческого капитала, остается опыт работы. Доказана разница между гендерным разрывом в образовании и опыте (стаже) работы, которая доказывает и существование гендерного неравенства в профессиональном опыте. Вывод здесь прост: женщины в среднем имеют меньший опыт работы [Amin, Kushnir, 2012]. Сопоставление действия гендерного разрыва в образовании с разрывом в опыте является основой выделения приоритетов государственной политики минимизации гендерного разрыва в уровне доходов и вакансиях.

В условиях информационной экономики ценится образование, рост уровня которого делает более ценным время, в том числе женщин, способствует снижению ценности детей для родителей и повышению их цены. Таким образом, положительный «эффект дохода» минимизируется отрицательным «эффектом цены», т.е. ростом издержек рождения и воспитания детей.

Данные выводы следует экстраполировать на отечественную ситуацию. Россия (СССР) в XX веке отличалась высочайшим уровнем образования и занятости женщин. Так, на пике плановой экономики в 1979 г. 88,4% советских женщин трудоспособного возраста работали либо учились (мужчины – 89,2%). Этот показатель превышал все остальные страны. Разрыв в оплате труда мужчин и женщин тогда составлял 25-30%.

С переходом к рынку (1988 г.) в структуре использования трудовых ресурсов доля женщин резко упала, достигнув 50,6%. В 1990-е годы в условиях социально-экономического кризиса женская занятость снизилась и достигла в 1998 г. 31 млн. человек (47,3% от всех работающих), однако в здравоохранении превышала 80%, в финансово-кредитной сфере и страховании 87 % от всех работающих в отрасли. В это время разница в оплате труда выросла в пользу мужчин до 30-40%, при том, что уровень образования женщин был более высоким.

По переписи населения 1989 г. высшее и среднее образование имели 46% работающих женщин и лишь 34% работающих мужчин. Эта пропорция сохранялась в 1990 годы [Силласте, 2000; Прокопьева, Фести, Мурачева, 2000]. Таким образом, высокий уровень занятости и образования женщин, увеличивал издержки производства человеческого капитала. Положение обострялось и тем, что, даже учитывая определенную гендерную дискриминацию в оплате труда, в значительной части российских домохозяйств, доход женщины формирует до 40% семейного бюджета. Женская безработица существенно снижает жизненный уровень семьи. В развитых странах этот аспект не прослеживается [Силласте, 2000].

В этой связи исследование гендерных факторов неоклассических закономерностей производства человеческого капитала в России позволяет И. Черной прийти к выводу о неизбежности стремления к оптимизации убытков домохозяйств под влиянием отрицательного «эффекта затрат», действием отрицательного «эффекта дохода» [Черная, 2012].

Данный вывод относим как к рождаемости, т.е. производству человеческого капитала, так и к его реализации. Сегодня практически здоровые взрослые в России – это примерно пятая часть населения. Российское общество традиционно обладает не развитой культурой самосохранения, характеризующейся иждивенческим подходом к здоровью.

В СССР уровень самосохранения женщин оценивается сегодня более высоко, относительно мужского. Исследования 1990 годов демонстрировали тенденцию улучшения поведения мужчин в отношении своего здоровья и, соответственно, ухудшения поведения женщин [Шилова, 2000].

Заключение

Таким образом, современные гендерные различия в показателях состояния здоровья и продолжительности жизни в пользу женщин оцениваются как временные. Отсюда несложно сделать вывод о том, что альтернативные издержки производства человеческого капитала, обусловленные необходимостью поддержания уровень дохода и здоровье, будут для российских женщин расти.

Библиография

1. Водовозов В.В. Энгель Эрнест // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб., 1906. Т. 78. С. 281.
2. Гриненко С.В., Богомоллова И.С., Задорожня Е.К. Гендерные особенности развития человеческого капитала // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 38. С. 20-35.
3. Гриненко С.В., Задорожня Е.К., Найдено И.С. Императивы гендерного равенства в воспроизводстве человеческого капитала на региональном уровне // Пространство экономики. 2017. №4. С. 64-78.
4. Декреты ВЦИК и СНК о разводе (принят первым) и браке, социальном страховании (декабрь 1917 г.).
5. Комаровский В.С. Россия 21 век: Политика. Экономика. Культура. М., 2012. С. 164.
6. Прокопьева Л., Фести П., Мурачева О. Профессиональная карьера мужчин и женщин // Вопросы экономики. 2000. №3. С. 10-11.
7. Силласте Г. Гендерная социология как частная социологическая теория // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 74.

8. Черная И. Гендерные аспекты формирования человеческого капитала: стереотипы неоклассического подхода и реалии современной России // Россия в XXI веке: экономика, политика, культура. 2012. №7. С. 20-25.
9. Шведова Н.А. Развитие человеческого капитала и гендерное равенство: умная гендерная политика // Женщина в российском обществе. 2015. №3-4 (76-77). С. 17-30.
10. Шилова Л.С. Трансформация женской модели самосохранительного поведения // Социологические исследования. 2000. №11. С. 134-136.
11. Amin M., Kushnir K. Gender Disparity in Human Capital: Going Beyond & Schooling September. World Bank, 2012. 13 p.
12. Becker G. The economics of discrimination. Chicago: University of Chicago Press, 1957. P. 82-83.
13. Blau F.D., Devaro J. New evidence on gender differences in promotion rates: an empirical analysis of a sample of new hires // Industrial Relations. 2007. № 46. P. 511-550.
14. Dublin L.I. Money value of a man. N.Y., 1930.
15. Dublin L.I. Length of life. N.Y., 1936.
16. Suvorov N.V. et al. Assessment of the impact of human capital on economic growth // Studies on Russian Economic Development. 2016. №27(5). P. 495-509.

Gender policy for the development of human capital

Natal'ya V. Kel'china

Vice Rector, Lecturer,
Department of Management and Civil Law,
Institute of Business Career,
109044, 23, Varshavskoe highway, Moscow, Russian Federation;
e-mail: ideka@ideka.ru

Abstract

In the industrial era, in economic theory and sociology, it was mainly men who were studied as the main, and most often the only actors in the production and sociopolitical processes, the subjects (electoral, administrative, etc.) of law. At the same time, the position of women in the economy was not considered, and domestic and auxiliary labor was not considered in connection with the process of reproduction of human capital. The actualization of scientific interest in gender issues in modern Russian economic and sociological literature is determined by the statement of the parallel formation and development of the theory of human capital with the concept of (first of all, political and legal) gender equality. This process is justifiably called both historically based and scientifically based, based on the erasure of gender stereotypes. In an information economy, priority is given to education and qualifications, the growth of which makes time more valuable, including women, helps to reduce the value of children for parents and increase their prices. Thus, the positive income effect is minimized by the negative price effect, the rising costs of giving birth and raising children. The article shows that modern gender differences in indicators of health status and life expectancy in favor of women are estimated as temporary. Hence, it is easy to conclude that the opportunity cost of producing human capital, due to the need to maintain income and health, will increase for Russian women.

For citation

Kel'china N.V. (2019) Gendernaya politika v tselyakh razvitiya chelovecheskogo kapitala [Gender policy for the development of human capital]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 8 (1A), pp. 143-150.

Keywords

Gender policy, information economy, human capital, women, policy.

References

1. Amin M., Kushnir K. (2012) Gender Disparity in Human Capital: Going Beyond & Schooling September. World Bank.
2. Becker G. (1957) The economics of discrimination. Chicago: University of Chicago Press.
3. Blau F.D., Devaro J. (2007) New evidence on gender differences in promotion rates: an empirical analysis of a sample of new hires. *Industrial Relations*, 46, pp. 511-550.
4. Chernaya I. (2012) Gendernye aspekty formirovaniya chelovecheskogo kapitala: stereotipy neoklassicheskogo podkhoda i realii sovremennoi Rossii [Gender aspects of the formation of human capital: stereotypes of the neoclassical approach and the realities of modern Russia]. *Rossiya v XXI veke: ekonomika, politika, kul'tura* [Russia in the XXI century: economics, politics, culture], 7, pp. 20-25.
5. Decrees of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars on divorce (adopted first) and marriage, social insurance (December 1917).
6. Dublin L.I. (1930) Money value of a man. N.Y.
7. Dublin L.I. (1936) Length of life. N.Y.
8. Grinenko S.V., Bogomolova I.S., Zadorozhnyaya E.K. (2014) Gendernye osobennosti razvitiya chelovecheskogo kapitala [Imperatives of gender equality in the reproduction of human capital at the regional level]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'* [Economy Space], 38, pp. 20-35.
9. Grinenko S.V., Zadorozhnyaya E.K., Naidenko I.S. (2017) Imperativy gendernogo ravenstva v vosproizvodstve chelovecheskogo kapitala na regional'nom urovne [Gender features of human capital development]. *Prostranstvo ekonomiki* [National interests: priorities and security], 4, pp. 64-78.
10. Komarovskii V.S. (2012) Rossiya 21 vek: Politika. Ekonomika. Kul'tura [Russia 21st century: Politics. Economy. Culture]. Moscow.
11. Prokop'eva L., Festi P., Muracheva O. (2000) Professional'naya kar'era muzhchin i zhenshchin [Professional career of men and women]. *Voprosy ekonomiki* [Questions of economics], 3, pp. 10-11.
12. Sillaste G. (2000) Gendernaya sotsiologiya kak chastnaya sotsiologicheskaya teoriya [Gender Sociology as a Private Sociological Theory]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 11, p. 74.
13. Shvedova N.A. (2015) Razvitie chelovecheskogo kapitala i gendernoe ravenstvo: umnaya gendernaya politika [Human capital development and gender equality: smart gender policy]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve* [Woman in Russian society], 3-4 (76-77), pp. 17-30.
14. Shilova L.S. (2000) Transformatsiya zhenskoi modeli samosokhranitel'nogo povedeniya [Transformation of the female model of self-preserving behavior]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies.], 11, pp. 134-136.
15. Suvorov N.V. et al. (2016) Assessment of the impact of human capital on economic growth. *Studies on Russian Economic Development*, 27(5), pp. 495-509.
16. Vodovozov V.V. (1906) Engel' Ernest [Engel Ernest]. In: *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t.* [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron]. St. Petersburg. Vol. 78.